

ИНКВИЗИТОР

«Издательство АСТ»
представляет книги Надежды Поповой
из цикла «ИНКВИЗИТОР»:

Ловец человеков

Стезя смерти

Пастырь добрый

Ведущий в погибель

Природа зверя

Утверждение правды

И аз воздам

ИНКВИЗИТОР

Надежда ПОПОВА

И АЗ ВОЗДАМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П58

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

Оформление обложки — *Галина Смирнова*
Иллюстрация — *Владимир Манюхин*

Попова, Надежда.

П58 Инквизитор. И аз воздам : [фантастический роман] /
Надежда Попова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
608 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-093426-3

Германия, 1401 А.Д. Инквизитор Курт Гессе, лучший следователь Конгрегации, живая легенда, пример для подражания молодежи и гроза малефиков... Он уже устал это слышать и перестал с этим спорить, хоть и уверен в том, что славы своей не заслужил. Но разве начальству что-то докажешь? Поэтому, получив очередное задание, проще не возражать, а направиться, куда велено. Тем более, что на сей раз это дело принципа, дело чести: убит инквизитор. А такое нельзя оставить безнаказанным.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093426-3

© Н. Попова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

... mea est ultio et ego retribuam in tempore ut labatur pes eorum
iuxta est dies perditionis et adesse festinant tempora¹
(De.32:35).

¹У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них. (Лат.). (Втор.32:35).

Тиролоз

Нетный воздух Гельвеции, чистый, звенящий, тепел даже ночью, когда небесный свод укутывается тьмою с частой россыпью звезд, и лишь легкая свежесть нет-нет, да и охлаждает щеки, если подует невесомый, едва заметный ветерок. Если неспешно брести по свежей, сочной, как спелый плод, траве, любуясь красотой, сотворенной Господом, можно вдыхать полной грудью и этот воздух, и, мнится, даже запах снега с далеких ледников.

Но если бежать, бежать изо всех сил, чувствуя, что того и гляди отнимутся ноги, что мышцы, кажется, вот-вот лопнут, как перетертая веревка, — тогда воздух жжет легкие, а дыхание обдирает горло, словно точильный камень. Ноги запинаются, и каждый шаг по каменистой жесткой земле превращается в пытку, перед глазами будто висит пелена, не давая видеть путь, а вместо ночной тиши слышится звон и шум крови в ушах. Споткнувшись и упав, надо подняться, невзирая на то, что любое движение отзывается жгучей болью, и бежать дальше, не оглядываясь, не мешкая, выжимая из себя последние силы...

То, как стрела входит в тело, поначалу почти не чувствуется; просто что-то толкает в спину, сбивая равновесие, дыхание перехватывает, и лишь потом приходит боль — на вдохе. Подкашиваются ноги, и тело падает на колени, руки упираются в прохладную траву, и от удара ладонями в землю боль в груди взрывается горячими острыми осколками, разрывая легкие и мешая дышать. Сквозь туманную мглу в глазах видно древко стрелы, прошившей тело насквозь, — темное, влажное от крови; видно, как сбегают крупные капли к наконечнику и там исчезают, не падая наземь, будто холодный гладкий металл вбирает их в себя, точно губка. Но, быть может, это уже бред — бред умирающего сознания, последнее, что удастся увидеть перед тем, как упасть на траву и больше не шелохнуться...

И вновь тишина, не нарушаемая ни топотом ног, ни насадным дыханием, и луна, яркая, точно забытый на столе светильник, рав-

нодушно озаряет пустые холмы и неподвижное тело в траве. Протянулась и истекла долгая, как вечность, минута, миновала вторая, третья, и из темноты донесся далекий звук шагов — неспешных, спокойных, как будто кто-то мучимый бессонницей вышел на свежий воздух, однако до ближайшего жилища по меньшей мере час пути таким вот безмятежным шагом...

Человек, явившийся из темноты, приблизился к убитому и остановился, в задумчивости легонько покачивая луком в руке. Несколько мгновений он стоял не шелохнувшись, потом наклонился и, упершись в мертвеца ногой, выдернул стрелу.

Глава 1

В коридорах было тихо и почти безлюдно, лишь однажды навстречу попался сосредоточенный хмурый инквизитор. С Куртом он поздоровался, назвав его по фамилии; лицо угрюмого собрата по служению показалось смутно знакомым, однако его имя в памяти не всплыло, посему Курт лишь приветственно кивнул, на ходу пробормотав неразборчивое. Лишь когда следователь остался далеко позади, вспомнилось расследование три или четыре года назад; Нюрнберг... или Аугсбург?... или Франкфурт... Сколько их было, городков и городов, в которые забрасывала судьба и начальственная воля...

У тяжелой двери за поворотом Курт остановился, глядя на двух далматинцев, лежащих у порога. Завидя его, псы поднялись с места, молча, без лая или даже рыка сделав шаг навстречу; он протянул к ним открытые ладони, затянутые в потертые кожаные перчатки, и терпеливо дождался, пока собаки обнюхают его руки и пыльную, пропитавшуюся солнцем одежду.

— Благодарствую, — произнес Курт насмешливо, когда далматинцы нехотя, будто исполняя какой-то обязательный, но давно наскучивший ритуал, вяло махнули хвостами и отступили назад, давая ему пройти.

— ... и так всегда, — успел услышать он, открыв дверь, и голоса внутри смолкли.

Курт приостановился на мгновение, окинув быстрым оценивающим взглядом людей у стола. Кардинал Сфорца явно физически утомлен и морально вымотан; изборожденное глубокими морщинами лицо осунулось и со времени прошлой встречи явно похудело. Без малого восемь десятков лет — не шутки, а когда приходится держать на собственных плечах громаду Конгрегации — удивительно, как до сих пор старик еще держится, даже учитывая тот немаловажный факт, что половину забот папский

нунций уже сгрузил на преемника... Преемник, к слову, тоже не в лучшем виде: взгляд мрачный, лоб нахмуренный, под глазами заметные круги, да и в целом Антонио Висконти, который младше мастера инквизитора на семь лет, выглядит сейчас как хорошо потрепанный жизнью следователь после недели оперативной работы. Да и Бруно, сидящий чуть в сторонке, одарил вошедшего взглядом тяжелым, точно скала, и таким усталым, будто за последние пару суток духовник не спал, не ел и даже не присел ни на минуту...

— И что же «всегда»? — осведомился Курт, переступив, наконец, порог и прикрыв за собой дверь.

— Всегда опаздываешь, Гессе, — недовольно отозвался Висконти и, вздохнув, кивнул: — Не стой караулом, садись, коль уж соизволил почтить нас своим присутствием.

— Я не могу опаздывать, — возразил Курт; помедлив, подтянул к себе табурет, уселся и вытянул гудящие ноги под столом. — Я не член Совета, и ваши заседания меня, вообще говоря, не касаются.

— Ты *агент* совета, — возразил итальянец хмуро. — И посему, когда я говорю, что ты должен быть здесь, — ты должен быть здесь. Желательно в назначенный день и желательно — позабыв привычку врывать на заседание, распахивая дверь пинком.

— Клевета, — фыркнул Курт. — Это было лишь однажды, и то потому что я спешил, а руки были заняты. И вот, вместо того, чтобы вынести мне благодарность за невиданную добычу и, быть может, даже выписать премию...

— К слову, книги он тогда приташил и впрямь уникальные, — заметил кардинал, и Висконти вздохнул:

— Да. Вынужден признать, дон Сфорца. Какие бы порицания я ни высказывал сейчас, а работу Гессе исполняет должным образом.

— И даже сверхдолжным, я бы сказал, — усмехнулся Бруно, взиравший на эту короткую перепалку со скучающим видом. — Рад видеть тебя живым и даже целым, Курт. В твоём случае это явление уникальное.

— Что задержало? — спросил Висконти уже серьезно, дозволяюще кивнув на винный кувшинчик посреди стола, который Курт с готовностью придвинул к себе вместе со стаканом духовника. — Судя по тому, что ты не потрепан, не ранен, не явился сюда при последнем издыхании на лекарских носилках по своему обыкновению — дело для разнообразия завершилось благополучно?

— Дела и не было, — отозвался он, наливая себе на самое донышко; поднес стакан к губам, помедлил и, не отпив, поставил его снова на стол. — Снова не по нашей части.

— Но ты задержался, — повторил Висконти; Курт кивнул:

— Пришлось.

— Мы уже достаточно заинтригованы, — заверил его Бруно, приглашающе поведя рукой: — Прошу. Вещай.

— Малефиции не было, — все-таки отпив глоток, отозвался он. — Новобрачная баронесса невинна, как овечка, новобрачный супруг-барон счастлив, свекор-барон доволен, детки-барончики... Родятся — там и поглядим, насколько будут невинны и счастливы. Баронское семейство в полном составе просило передать руководству Конгрегации благодарность, что я и делаю.

— Подробности?

— Подробности излагаю. Лет двенадцать — тринадцать назад сосед этого вашего барона, тоже, что характерно, барон, ввязался в междоусобицу со своим соседом, тоже бароном. Точнее — он ее сам и затеял: земли от императорского ока далекие, свои владения — крохотные, у соседа — не просто большие, а еще и выгодно расположенные (пахота, пастбище, лес). Земли мало, баронов много, вопрос решается просто. К тому же, у зачинщика одиннадцать сыновей, а у соседа — один, да и тот малолетний. Все говорило о том, что победа будет легкой, а добыча солидной. Но — увы, не рассчитал. Сосед не стал отбиваться: он решил напасть. Для чего и пригласил наемников, которым не только заплатил за работу, но и обещал в случае взятия замка беспокойного многодетного папы сей замок на разграбление. Что, собственно, и случилось. Замок взяли, владельца убили. Особо замечу, что наемников сосед вел сам, замок зачищал вместе с ними; это важно. Итак; замок разграбили, сыновей вырезали до единого, и единственный, кто остался в живых из семьи зачинщика, — дочка лет четырех. Имение ее папеньки без затей присвоили, но дочку убивать не стали — видно, на девчонку рука не поднялась, — а не мудрствуя лукаво подарили каким-то крестьянам. Те люди были небедные, набожные, поэтому ребенка приняли. Она с годами все забыла и жила в уверенности, что растет в родном доме.

— Как я понимаю, это предыстория подозреваемой? — уточнил Висконти хмуро. — И приемные родители об этом не рассказывали даже ее будущему мужу?

— Твой приятель-барончик намеревался взять в жены красавицу с приданым, — пожал плечами Курт. — Какое ему дело до того, что у нее за спиной?

— Такие браки, — возразил итальянец мрачно, — баронский сын и крестьянка — не столь уж часто совершаются открыто в наше время, и я бы тебя попросил следить за словами, Гессе. Михаэль — глубоко верующий, добросердечный и образованный парень, и он смотрел не на приданое, а на Эльзу.

— Пусть на Эльзу, — согласился Курт. — Красавица, умница, рукодельница, девственница. *С приданым*. Не все ли ему равно, что у нее в прошлом, при таких-то данных?.. Впрочем, — сам себя оборвал он, — это было бы верно, если б то самое прошлое не возникло внезапно и все не испортило. Когда справляли свадьбу, в замок съехались халявщики... прошу прощения, знатные гости, дабы урвать, что удастся... прошу прощения, разделить радость с новобрачными и родителями. И вот среди гостей обнаружился тот самый сосед, чьи наемники перебили братьев нашей девочки. Эльза, как я уже говорил, все случившееся забыла, но увидела лицо человека, который вырезал ее семью, — и что-то у нее в голове щелкнуло. Воспоминания не пришли, но что-то начало прорываться из глубины памяти. Ночью после празднования ей сначала снились кошмары, а после — привиделось явление Ангела.

— Ангела, — уточнил Бруно недоверчиво-напряженно; Курт невесело улыбнулся:

— Ты услышал про Ангела, но пропустил слово «привиделось». Похоже, что во сне смешались обрывки воспоминаний, Писание, сказки, легенды — словом, все сварилось в одном котле, и получилось неудобоваримое блюдо, из-за которого и весь сыр-бор, из-за которого мне пришлось тащиться за тридевять земель к приятелю нашего Висконти и торчать там почти три недели.

— Не томи, — подстегнул Сфорца; Курт кивнул:

— Слушаюсь... Эльзе явился Ангел и рассказал, что прежде она жила в прекрасном дворце с прекрасным отцом и прекрасными братьями, которых заколдовала злая колдунья, завидующая красоте и набожности их семьи. Колдунья превратила братьев в одиннадцать прекрасных лебедей, и сейчас они летают где-то в северных землях (не спрашивайте, не знаю, почему именно там), но вскоре вернуться, чтобы увидеться с любимой сестрой. Вернуться они должны были, если точнее, осенью. И вот, сказал ей Ангел, чтобы расколдовать их, надо нарвать волшебной крапивы...

— «Волшебной крапивы»? — переспросил Бруно; Курт усмехнулся:

— А чем волшебная крапива хуже волшебной же свечи из жира повешенного? Я бы сказал, она даже лучше. Уж про *minimum* выглядит и пахнет всяко приятнее... Так, стало быть, Эльзе полагалось нарвать крапивы, размять в волокно, ссучить нить — и из нее сплести одиннадцать рубашек; если надеть их на лебедей, сказал Ангел, те превратятся в людей снова. Причем годится на это не всякая крапива, а именно кладбищенская или та, что растет на земле ее отца. Но главное — рассказывать об этом никому нельзя, иначе братья погибнут «в тот же миг». А дальше и начинается

самое интересное. Поскольку до «земли отца» далеко, а кладбище близко, наша Эльза стала навещать туда ночами, а вечером или днем, когда никто не видел, давила и сучила крапиву в одной из нежилых комнат. Служанки ее любили — девица мягкая, добрая, веселая... была; кто-то ее откровенно прикрывал, кто-то делал вид, что ничего не замечает, но со временем странности стали все очевиднее, твой приятель начал замечать, что руки у его женушки в волдырях, а уж когда он проследил ее до кладбища...

— Это я знаю, — оборвал Висконти. — Все это Михаэль описал мне в письме, а я — тебе перед направлением на место. Говори то, чего я не знаю. Если малефиции не было, то болезни в замке — что это?

— Кишечная инфекция, — пожал плечами Курт. — Твоему глубоко верующему и образованному парню вместе с его, прямо скажем, не слишком образованным папашей следовало не ужасаться ведьме-жене, а пригласить из города лекаря. Что я и сделал вместо них. Отчет о расходах напишу позже и крайне рассчитываю на их возмещение, к слову...

— Итак, это не просто не малефиция, — подытожил Сфорца, — но даже и не преступление вовсе?

— Если не считать преступлением вытопанную и оборванную крапиву на кладбище — то да. Простая слабость человеческого разума и духа.

— Слабость духа... — повторил Бруно медленно. — Я бы так не сказал. Зная, чем ей это может грозить, не имея возможности объясниться, рискуя *de facto* жизнью...

— Она была не в себе, — возразил Курт. — Это не геройство, не подвиг, а простая потеря свойственных человеку чувств и понятий.

— «Была»? — уточнил Висконти с нажимом; он кивнул:

— Последняя неделя ушла на то, чтобы встряхнуть девчонку и привести ее в разум. Я наговорился на год вперед и сам едва не рехнулся... Но дело в итоге сделано. Инфекцию лекарь остановил, молодая жена пусть и не в полном душевном здравии, но хотя бы не пребывает уже в мире грез и осознает, что с ней случилось и почему, а дальше уж все в руках Господа, ее духовника и молодого мужа.

— А сам Михаэль как?

— В расстроенных чувствах. С одной стороны, радуется тому, как все разрешилось, с другой — корит себя за то, что натравил Инквизицию на собственную возлюбленную... Я поддержал его, как мог.

— *Id est?*¹ — настороженно уточнил Висконти.

¹ То есть (*лат.*).

— Рассказал ему, как когда-то арестовал и сжег свою, и объяснил, что ему еще крупно повезло.

— Ты спятил? — нахмурился Бруно; он отмахнулся:

— Когда человек узнаёт, что кому-то хуже, чем ему, это его ободряет. Паршивая человеческая сущность... Ничего, сдюжат. Девчонке куда хуже них, и это держит их на плаву: они занимаются ею, отчего не остается времени на собственные волнения и метания. Все счастливы.

— А сосед? — уточнил Бруно; Курт усмехнулся:

— Вот на его счет я сомневаюсь; до счастья ему далеко. Он, само собою, был тогда вправе защищаться, но как ни крути — пределы он превысил. А тот факт, что захват им чужой собственности прошел без препон и столько лет никем не замечался, — означает, что есть у него и сообщник в кругах, близких к имперскому канцлеру, который и протолкнул нужные документы... Впрочем, сие уже вовсе не мое и не наше дело, пускай разбираются императорские дознаватели.

— Вот только очередного барона-разбойника Рудольфу для полного счастья и не хватает, — хмуро заметил кардинал. — У Императора сейчас деньки веселье: с австрийским герцогом назревает уже прямое столкновение, в Гельвеции бунт, герцог Баварский пытается удержаться за власть на фоне слухов о том, что к власти этой пришел через убийство родичей...

— Забавно вы поименовали наследника императорского трона, Сфорца, — усмехнулся Курт; кардинал пожал плечами:

— Это все дальние планы, в то время как необходимость удерживать герцогство — насущная проблема.

— Фридрих хоть и мальчишка, но мальчишка рассудительный и цепкий, — сказал Курт уверенно. — Да и слухи эти не столь уж популярны, куда популярней другие — «враги Императора истребляют дояльную знать».

— Популярней нашими стараниями, — уточнил Бруно недовольно. — До чего дожили: перешибать лживые сплетни правдой приходится все тем же методом распускания сплетен...

— Не суть. Пусть и с нашей помощью, наследник неплохо справляется, и главное сейчас — попросту не хлопать ушами... Так что ж с делом Эльзы? Я его закрываю?

— Уже закрыл, — вскользь улыбнулся Висконти. — Не могу не выразить тебе благодарность за удачное разрешение ситуации. — Отчет...

— Позже напишешь, забудь.

— Даже так, — отметил Курт, медленно обведя взглядом лица собравшихся. — Стало быть, стряслось нечто и впрямь необычное... Что у вас случилось и по какому поводу было заседание?

— Быть может, сперва передохнешь? — возразил Бруно; он усмехнулся:

— Конечно. Сейчас я пойду есть да спать, и разумеется, я спокойно усну, не терзаясь любопытством и не пытаясь угадать, отчего у членов Совета столь постыжные физиономии, будто завтра наступит Конец Света... Говорите уж. Что происходит?

Бруно переглянулся с Висконти, бросил взгляд в сторону молчаливого кардинала и, помедлив, поднялся.

— Сейчас вернусь, — вздохнул он, направившись к двери. — Услышишь все из первых уст.

В комнату Бруно возвратился спустя несколько минут; войдя, посторонился, пропуская вперед своего спутника, выглянул в коридор, окинул взглядом обе его оконечности и плотно прикрыл дверь.

— Курт Гессе, следователь первого ранга, особые полномочия, — сообщил он, снова усаживаясь к столу, и кивнул на табурет рядом с собою: — Прошу вас.

Вошедший молча кивнул, тяжело опустившись на сиденье, и оперся о стол локтями, перенеся на него вес и как-то недовко отставив ногу в сторону. Итак, большая спина и что-то не так с коленом; рана? Просто суставные боли, возраст?.. Вполне вероятно; лет ему не меньше сорока пяти — сорока семи, и, судя по изможденному лицу, — годы эти проведены не в тиши и скуке скриптория...

Знакомое лицо...

— Дитер Хармель... — продолжил Бруно, и Курт оборвал, договорив:

— ... *curator rei internae*¹.

— Знаете меня? — поднял бровь вошедший; он усмехнулся:

— В некотором роде. Одиннадцать лет назад, когда я был начинающим двадцатидвухлетним следователем, вы пытались затащить меня на помост за халатность или преднамеренное саботирование дела. Кельн, расследование убийства студента университета...

— ... погивший на допросе соучастник.

— После допроса, — возразил Курт с нажимом. — Повесился ночью в камере. Отто Рицлер, университетский переписчик. Вам не терпелось доказать, что я должен разделить его судьбу.

— Вашим обидчиком опасно становиться, — усмехнулся Хармель. — Какая нехристианская злопамятность.

— Просто хорошая память. Злобность прилагается в довесок.

¹ Попечитель внутреннего положения (состояния, обстановки). (*Лат.*)